

**Виссарион Григорьевич
Белинский**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 004
ББК 92
В53

В53 Виссарион Григорьевич Белинский / – М.: Книга по Требованию, 2024. –
36 с.

ISBN 978-5-521-31139-2

ISBN 978-5-521-31139-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

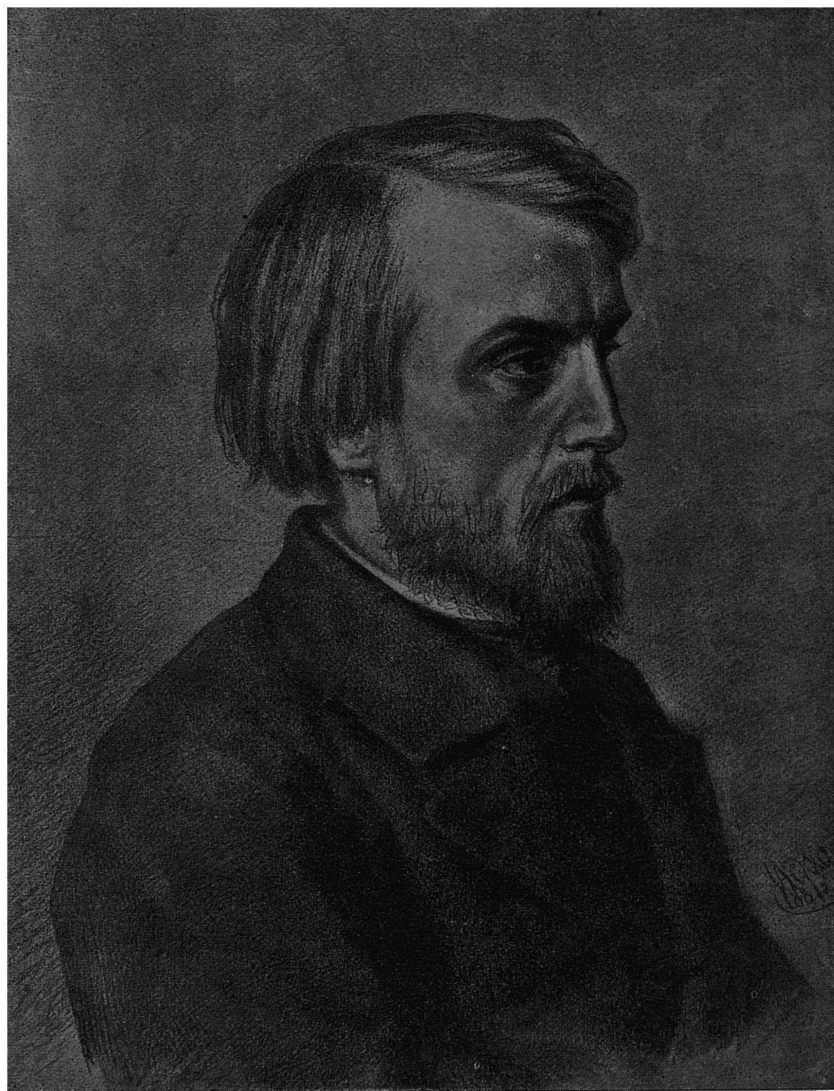
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.

Если спросятъ васъ: „Какіе самые замѣчательные наши писатели первой половины нынѣшняго вѣка?“—вы сейчасъ же поторопитесь сказать: „Конечно, Пушкинъ и Гоголь“. Совершенно вѣрно; только къ этимъ двумъ именамъ надо прибавить еще третье имя: „Бѣлинскій“.

Пушкина и Гоголя, слава Богу, теперь знаетъ у насъ на Руси каждый школьникъ. Стихи Пушкина мы учимъ наизусть, и не только потому, что задаетъ учитель, а потому, что мы сами ихъ отыскиваемъ и восхищаемся ихъ красотою и сами запоминаемъ для собственнаго своего удовольствія. Многіе изъ насъ знаютъ наизусть цѣлыя поэмы Пушкина, не говоря уже о мелкихъ стихотвореніяхъ. И какъ ихъ не знать! Звучный стихъ самъ просится на память, а красота описаній увлекаетъ воображеніе. Точно такъ же и Гоголь. Кто изъ насъ не восхищался его „Тарасомъ Бульбой“? Кто читалъ безъ трепета страшнаго „Вія“, полнаго ошеломляющихъ ужасовъ?... А смѣшные хохлы въ „Сорочинской ярмаркѣ“? А добродушные старички — Аѳанасій Ивановичъ съ супругой?—Все, все это мы отлично знаемъ, и при одномъ упоминаніи этихъ именъ на устахъ появляется улыбка и глаза начинаютъ блестѣть.

Еще бы не улыбаться! Вѣдь это все такъ очаровательно, такъ интересно, что даже самый лѣнливый человѣкъ, и тотъ не оторвется отъ книги, разъ онъ ее началъ читать. Стихи Пушкина и рассказы Гоголя такъ же дороги намъ, какъ дорога семья наша, братья и сестры, и любимыя наши родныя мѣста, нашъ домъ и садъ,—все то, что окружаетъ насъ съ младенческихъ лѣтъ. Оттого мы и говоримъ, что

Пушкинъ и Гоголь—родные наши писатели, и не знать ихъ—стыдно всякому русскому человѣку.

Но если спросить васъ: „А читали ли вы Бѣлинскаго?“—то, навѣрно, услышишь отвѣтъ: „Нѣтъ, не читалъ. А кто это такой Бѣлинскій?“...

И не удивительно. Бѣлинскій не поэтъ въ томъ смыслѣ, какъ поэты—Пушкинъ и Гоголь. Бѣлинскій не писалъ ни стиховъ, ни рассказовъ. Чтобы понимать Бѣлинскаго и интересоваться имъ, нужно быть постарше, нужно кое-что и знать изъ нашей исторіи, а главное—нужно хорошо знать другихъ писателей его времени.

Но за что же называютъ Бѣлинскаго знаменитымъ?.. Отчего ставятъ его имя рядомъ съ такими великими именами, какъ Пушкинъ и Гоголь? Что же общаго между ними и Бѣлинскимъ, который не писалъ ни стиховъ, ни рассказовъ?..

Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы познакомимъ нашего читателя съ далекимъ прошлымъ, расскажемъ ему исторію человѣка, котораго великое, пламенное сердце покоится теперь вѣчнымъ сномъ.

Давно, въ самомъ началѣ нашего столѣтія, родился мальчикъ въ семьѣ морского лѣкаря Бѣлинскаго. Это случилось на окраинѣ Россіи, въ крѣпости Свеаборгѣ, стоящей на маленькомъ островѣ противъ Гельсингфорса. Не нравилась эта крѣпость лѣкарю Бѣлинскому. Его тянуло на родину, въ приволжскія степи, въ сердце Россіи. И какъ только представилась возможность, онъ уѣхалъ съ семьей изъ Финляндіи. Онъ очень обрадовался, когда былъ назначенъ врачомъ въ Чембаръ, уѣздный городокъ Пензенской губерніи. Недалеко отъ Чембара находилось его родное село—Бѣлынь, гдѣ отецъ его долгіе годы былъ священникомъ. Отецъ Никифоръ славился своей праведной жизнью; подъ старость онъ поселился отдѣльно отъ семьи въ маленькой кельѣ и проводилъ время въ молитвѣ и постѣ, и далеко шла молва въ народѣ о его благочестіи. Отъ села Бѣлыни вся семья праведнаго священника получила прозвище Бѣлинскихъ.

Лѣкаръ Бѣлинскій поселился въ Чембарѣ. Онъ выстроилъ себѣ просторный домъ, какіе сооружались обыкновенно въ старину — съ многочисленными хозяйственными службами, чуланчиками, амбарами, погребамъ. Возлѣ дома развели садъ. Вначалѣ житье было хорошее; больные присылали врачу за лѣченье вмѣсто денегъ множество всякихъ домашнихъ припасовъ: овощей, плодовъ, домашней птицы; крѣпостные слуги усердно работали на господъ. Но понемногу на эту незатѣйливую, беззаботную жизнь стали надвигаться грозныя тучи.

Григорій Никифоровичъ, вернувшись на родину, увидѣлъ, что многое тутъ не такъ прекрасно, какъ казалось ему издалека. Онъ былъ человѣкъ умный и насмѣшливый, никакіе предразсудки не омрачали его свѣтлой головы. А между тѣмъ въ тѣ далекіе годы жизнь въ уѣздныхъ городкахъ была полна невѣжества и предразсудковъ. Люди боялись знанія, боялись насмѣшки и находили вполне понятнымъ, что чиновники брали взятки и позволяли себѣ мелкій обманъ. Бѣлинскій все это видѣлъ и надъ всѣмъ смѣялся. Этимъ онъ возбудилъ къ себѣ вражду. Вскорѣ пріѣхалъ въ Чембаръ другой врачъ. Всѣ стали обращаться къ нему, а Бѣлинскій былъ точно забытъ. Григорій Никифоровичъ страдалъ отъ такого отношенія людей; онъ сталъ раздражителенъ, подозрѣвалъ въ каждомъ человѣкѣ врага и наконецъ съ горя сталъ пить водку.

Въ это время и достатокъ семьи уменьшился. Заглянула въ домъ Бѣлинскихъ бѣдность. Вмѣстѣ съ бѣдностью забрались въ этотъ домъ и другія непрощенныя гости — ссоры и брань, раздоры и горести.

Жена Григорія Никифоровича была женщина необразованная и пустая. Пока всего было вдоволь, она старалась поставить домъ на барскую ногу и все дѣлала такъ, какъ было у помѣщиковъ-дворянъ. Когда же Григорій Никифоровичъ сталъ зарабатывать меньше, она никакъ не могла помириться съ бѣдностью, стала упрекать мужа, била дѣтей, если они подвернутся въ недобрую минуту, и поднимала

цѣлую бурю, такъ что мужъ и дѣти убѣжали изъ дома. Самое главное было то, что эта женщина не обладала любящимъ сердцемъ, которое одно могло бы загладить то зло, которое она причиняла своей вспыльчивостью. Раздражаясь часто изъ-за пустяковъ, она не знала границъ своему гнѣву и мучила всѣхъ домашнихъ.

Не радостна была жизнь дѣтей въ этомъ домѣ. Больше всего доставалось старшему мальчику—Виссаріону. По природѣ своей онъ больше былъ похожъ на отца. Въ немъ замѣтно было и прямодушіе и твердость; въ глазахъ его часто горѣлъ насмѣшливый огонекъ, а съ дѣтскихъ устъ срывался веселый смѣхъ и шутки.

Виссаріонъ былъ любимымъ сыномъ отца. Отецъ замѣчалъ, какъ похожъ на него мальчикъ. Его радовалъ умъ ребенка, его любознательность, постоянная готовность слушать всякіе рассказы. Когда отецъ говорилъ что-нибудь, Виссаріонъ весь обращался въ слухъ и не сводилъ съ его лица своихъ блестящихъ глазъ.

Скоро онъ выучился читать и страстно предался книгамъ. Отецъ радовался, глядя на сына. Но нельзя сказать, что мальчикъ любилъ отца: онъ боялся его, боялся его хмураго, вѣчно суроваго лица, боялся его раздражительныхъ словъ, а главное—опасался попадаться ему, когда онъ предавался своей пагубной страсти къ вину. Только много лѣтъ спустя, Виссаріонъ Бѣлинскій понялъ, какъ страдалъ тогда его отецъ, какъ онъ былъ несчастливъ, и въ душѣ сына шевельнулась поздняя любовь къ отцу, уже умершему. Отъ матери Виссаріонъ Бѣлинскій унаслѣдовалъ вспыльчивый нравъ. Но горячность эта у Виссаріона имѣла своимъ основаніемъ страстную любовь къ людямъ, и она освѣтила всю жизнь его яркимъ свѣтомъ.

Вспышки отца и брань матери заставляли мальчика убѣгать изъ дома куда-нибудь въ уголокъ сада, забираться въ амбаръ, гдѣ утѣшеніемъ его являлась книжка. Читая, онъ забывалъ о только что пролитыхъ слезахъ. „Я въ семействѣ былъ чужой!“ говорилъ впоследствии Виссаріонъ

Бѣлинскій. Недостатокъ любви и ласки былъ тяжелъ для мальчика; его впечатлительная душа требовала любви, какъ цвѣтокъ требуетъ лучей солнца. Но жизнь встрѣтила его сурово, и онъ замкнулся въ себѣ, сталъ застѣнчивъ и молчаливъ.

Подошло время ученья.

Виссаріона отдали въ Чембарское уѣздное училище. Тутъ полюбили его и товарищи и смотритель Грековъ. Человѣкъ кроткій и добрый, Грековъ приласкалъ застѣнчиваго мальчика. Во время ученья пріѣхалъ однажды директоръ училищъ Лажечниковъ. Онъ былъ въ послѣдствіи извѣстенъ и любимъ какъ сочинитель, и повѣсть его „Ледяной домъ“ и въ наше время читается съ интересомъ.

Лажечниковъ, пріѣхавши въ училище, сталъ экзаменовывать дѣтей. Съ перваго взгляда онъ замѣтилъ среди нихъ мальчика лѣтъ двѣнадцати. Въ глазахъ этого мальчика свѣтился умъ; бѣлый лобъ, казалось, сіялъ мыслью. Худенькій и маленькій ребенокъ казался старше своихъ лѣтъ: такъ серіозно было его лицо.

Лажечниковъ сталъ его спрашивать, и самъ увлекся экзаменомъ. Онъ спрашивалъ то изъ одного предмета, то изъ другого, старался сбить его, смутить. Всѣ слушали и дивились отвѣтамъ бойкаго ученика. Онъ отвѣчалъ скоро и легко, точно шутя, много рассказывалъ такого, чего и въ учебникахъ не было. Видно было, что и ему экзаменъ доставляетъ живое удовольствіе.

Лицо добраго смотрителя сіяло радостью. Онъ то съ торжествомъ смотрѣлъ на директора, то переводилъ свой радостный взоръ на мальчика.

— Точно ястребокъ накидывается на добычу, такъ быстро онъ отвѣчаетъ, съ улыбкой сказалъ Лажечниковъ, кончивъ экзаменъ.—Кто этотъ мальчикъ?

— Виссаріонъ Бѣлинскій, сынъ здѣшняго штабъ-лѣкаря, поспѣшно отвѣтилъ Грековъ.

Лажечниковъ всталъ, нагнулся и поцѣловалъ мальчика

въ лобъ, съ горячей похвалой отозвался о его успѣхахъ и подарилъ ему книгу, на заглавномъ листѣ которой написалъ: „Виссаріону Бѣлинскому за прекрасные успѣхи въ ученіи отъ Лажечникова“.

Мальчикъ принялъ книгу съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ, однако не сталъ низко кланяться: по всему было видно, что въ этомъ ребенкѣ сильно развито чувство собственного достоинства.

Откуда же могло явиться у бѣднаго и забитаго мальчика такое чувство достоинства? Печальная домашняя жизнь возбудила въ немъ эту силу. Много лѣтъ спустя, Бѣлинскій разсказалъ своему другу, какой случай особенно запечатлѣлся въ его памяти. Ему было лѣтъ десять или одиннадцать, когда несчастный его отецъ вернулся домой послѣ попойки. Онъ сталъ бранить сына безъ всякаго основанія; Виссаріонъ началъ оправдываться. Тогда взбѣшенный отецъ ударилъ его и повалилъ на землю. Мальчикъ поднялся съ земли, точно пересозданный. Въ его любящую и страстную душу глубоко запало незаслуженное оскорбленіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ вдругъ загорѣлось сознаніе, что онъ человѣкъ, хотя еще и маленькій. Съ той поры чувство человѣческаго достоинства укрѣпилось въ его душѣ, и до самой смерти онъ ненавидѣлъ всякое насиліе и оскорбленіе человѣка.

Этотъ странный, застѣнчивый и вмѣстѣ съ тѣмъ гордый мальчикъ совсѣмъ не былъ похожъ на своихъ товарищей. И учился онъ по-своему. Ему мало было готовить уроки по учебнику; онъ читалъ еще множество другихъ книгъ, какія могъ достать, и такъ увлекался ими, что самъ пробовалъ сочинять стихи. Въ то время самымъ любимымъ поэтомъ былъ Жуковскій. Виссаріону казалось, что и у него стихи выходятъ не хуже, чѣмъ у Жуковского. Однако прирожденное чувство изящества скоро разрушило у него эту мечту.

Книги въ то время были и дороги и рѣдки, и многіе небогатые люди списывали себѣ тѣ сочиненія, которыя имъ нравились. Такъ поступалъ и маленькій Виссаріонъ. Онъ

исписывалъ толстыя тетради, писалъ и днемъ и даже по ночамъ, торопясь занести въ свои сборники какое-нибудь новое стихотвореніе Карамзина или Державина. Особенно восхищался онъ Сумароковымъ; его трагедію „Дмитрій Самозванецъ“ онъ зналъ наизусть. Забившись въ уголокъ сада, Виссаріонъ читалъ повѣсть Карамзина „Бѣдная Лиза“ и заливался горячими слезами...

Такъ шли первые годы ученья. Наконецъ курсъ Чембарскаго уѣзднаго училища былъ конченъ. Отецъ рѣшилъ послать сына въ губернскую гимназію. Мать снарядила сына въ дорогу, и вмѣстѣ съ чамбарцами-семинаристами онъ отправился въ Пензу.

Черезъ годъ пріѣхалъ въ Пензу родственникъ его Ивановъ. Оба гимназиста наняли себѣ маленькій домикъ въ одну комнатку на томъ же дворѣ, гдѣ жили ихъ земляки-семинаристы. Молодежь жила очень дружно: каждый помогалъ, чѣмъ могъ, давалъ денегъ тому, у кого случалась нужда; вмѣстѣ они и учились, и спорили, и веселились.

Нельзя сказать, чтобы жизнь эта была роскошна. Вмѣсто стульевъ у гимназистовъ стояли въ комнатѣ пустые бочки изъ-подъ кваса; только всего и мебели было двѣ кровати. Виссаріонъ ходилъ зимою въ нагольномъ тулупѣ; платье у него было поношенное, и часто онъ носилъ кафтанъ съ прорѣхами и дырами на локтяхъ: не было у юноши никого, кто бы позаботился о его платьѣ. Но Бѣлинскій и въ изодранномъ платьѣ не имѣлъ жалкаго вида: глаза его блистали смѣлостью и увѣренностью, лицо выражало энергію и бодрость.

Попрежнему Виссаріонъ былъ мало похожъ на своихъ товарищей-гимназистовъ, опять онъ учился по-своему, самъ искалъ знанія въ тѣхъ книгахъ, которыя ему попадались. Ни одна минута у него не пропадала даромъ; онъ или сидѣлъ, углубившись въ чтеніе, или торопливо списывалъ что-нибудь хорошее въ свои толстыя тетради, или спорилъ съ товарищами. Иногда онъ уходилъ отъ нихъ, чтобы одному обдумать непонятное.

Между тѣмъ уроки въ гимназіи шли своимъ чередомъ.

Въ тѣ времена гимназія состояла всего изъ четырехъ старшихъ классовъ. Преподаватели были плохіе, какъ и въ другихъ городахъ. Особенно любилъ Бѣлинскій географію, потому что учитель позволялъ ученикамъ рассказывать лишнее противъ того, что было въ учебникѣ. Когда Бѣлинскій кончалъ свой одушевленный рассказъ про какую-нибудь страну, добрякъ-учитель говорилъ:

— Хорошо, очень хорошо! Очень вамъ благодаренъ! Скажите, откуда вы это вычитали?

Къ счастью, среди учителей гимназіи былъ одинъ, котораго Лажечниковъ называлъ „кладомъ“. И правда, Поповъ, этотъ учитель естественной исторіи, пользовался любовью всѣхъ гимназистовъ. Для Бѣлинскаго Поповъ былъ первымъ наставникомъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Поповъ давалъ своему замѣчательному ученику книги, онъ толковалъ съ нимъ о прочитанномъ, иногда объяснялъ, а иногда и спорилъ.

И учитель и ученикъ почувствовали самое горячее влеченіе другъ къ другу. Оба они страстно любили чтеніе и увлекались сочиненіями лучшихъ русскихъ писателей того времени. Въ своихъ воспоминаніяхъ Поповъ писалъ:

„Русская словесность была всегда моей исключительной страстью. Можете себѣ представить, что иногда происходило въ классѣ естественной исторіи, гдѣ передъ страстнымъ, молодымъ учителемъ сидѣлъ такой же страстный къ словесности ученикъ. Разумѣется, начиналъ я съ зоологіи и ботаники и старался держаться этого берега; но съ середины, а случалось, и съ начала лекціи, отъ меня ли, отъ Бѣлинскаго ли, Богъ знаетъ, только естественная исторія превращалась у насъ въ исторію литературы... А собираніе растений?—Бывало, когда отправлюсь съ учениками за городъ, во всю дорогу, пока не дойдемъ до роши, Бѣлинскій пристаётъ ко мнѣ съ вопросами о Гете, о Байронѣ, о Пушкинѣ и обо всемъ, что волновало въ то время наши молодые сердца...“